

Глава 1

Если я ничего не смыслю в коммерции, то никогда не стану ею заниматься, какие бы золотые горы мне ни обещали. Я совершенно не разбираюсь в том, где и какой товар можно купить дешевле, а продать дороже. Для меня темнее темного леса вопросы отправки товара железной дорогой, растаможки и продажи оптовикам. Я привык браться только за то дело, в котором чувствую себя, как необъезженный конь в степи.

А Влад — у того точно вывих мозга. По-моему, человеку некуда девать деньги. Мне кажется, что он спит и видит, как все его состояние в один прекрасный день вылетает в трубу. Звонит как-то мне в Судак:

— Привет, дорогой! Чего у вас там на набережной еще нет? На что есть спрос, но нет предложения?.. Не знаешь? А у меня идея. Я решил построить у вас там сауну «V.I.P.». То есть высшего разряда. С девочками и боди-массажем.

Я ему объяснил, что на набережной не то что сауна, а киоск для продажи мороженого воткнуть

некуда, к тому же обалдевший от жары, моря и девочек народ вряд ли потянет в парилку.

Влад упрекнул меня в том, что я мыслю стереотипами прошлого, и недели две не напоминал о себе. В первых числах августа позвонил снова.

— Значит, так: срочно узнай, сколько, какие марки мотоциклов и по какой цене хотят иметь ваши местные рокеры? — с ходу озадачил он меня.

— Кто? — не понял я.

— Рокеры! Пожалей себя! Ты что, блин, совсем от жизни отстал? Парни у вас по ночам на мотоциклах гоняют?

— Нет, — честно признался я. — Мотоциклов во всем Судаке штуки три-четыре наберется. Один у участкового, другой у моего соседа, дяди Леши, он на нем помидоры из Симферополя на рынок возит...

— Стоп! — прервал меня Влад. — Ты совсем отмороженным стал на своем курорте. Объясняю для тугодумов: я могу взять партию новеньких «Ямах» по хорошей цене, и мы их с тобой толкнем в Судаке. Прибыль поровну.

— Вова, — сочувствующим голосом сказал я. — Зачем курортникам твои «Ямахи»? Они на море приехали, позагорать, искупаться. А из местных жителей у нас тут одни старушки остались.

— Да, с тобой кашу не сварить! — рассердился Влад. — У тебя совковое мышление!

Я надеялся, что он надолго оставит меня в покое, и с головой ушел в ремонт своей гостиницы. Но как-то в один из тех редких и прекрасных вечеров,

когда Анна допоздна засиделась у меня, Влад снова позвонил. Слышимость была отвратительной. К тому же Влад говорил тихо и малопонятно:

— Слушай меня, старина. Четырнадцатого августа ты должен быть в Небит-Даге.

— Где я должен быть? — название населенного пункта я не расслышал.

— Это не совсем телефонный разговор, — не уточняя, продолжал Влад. — Я не могу сейчас сказать тебе всего. Запомни главное: четырнадцатого, город Небит-Даг, железнодорожный вокзал, кассовое окошко, двенадцать часов дня. Там я буду тебя ждать.

— Постой, Влад! — заторопился я, боясь, что он внезапно закончит разговор. — Где это находится? Почему я должен туда ехать? У меня дел по горло!

— Это очень важно... Я прошу тебя как друга. Ты должен мне помочь.

Анна повернула голову, вопросительно глядя на меня. Тонизирующий противоожоговый крем на ее малиновой от солнца спине стал подсыхать. Если его срочно не втереть в кожу, то придется смывать струей теплой воды, а какая это боль, я знаю по собственному опыту. Пришлось мне прижать трубку радиотелефона щекой к плечу и снова склониться над Анной, круговыми движениями втирая крем.

— Но я даже не знаю, как туда ехать! Ты можешь популярно объяснить, что случилось?.. Ляг на бок!

— Что? — не понял Влад последней фразы, которая относилась не к нему. — Куда мне лечь?

Наш разговор напоминал общение по телефону глухого с немым.

— Я не понимаю, зачем ты меня куда-то тащишь! — выразительно крикнул я, выдавливая из тюбика на ладонь белую пену и осторожно растирая ее по телу Анны.

— У меня кончается время! — гнул свое Влад. — Все узнаешь потом. Запомни: Небит-Даг. Если ты не приедешь, мне будет очень трудно. Это связано с...

В трубке затрещало, защелкало, а затем раздались частые короткие гудки.

Я недоуменно смотрел на Анну, словно она слышала наш разговор и у нее был готовый ответ.

— Ничего не понимаю, — сказал я. — Мне надо куда-то ехать. Если не приеду, то ему будет очень плохо.

— Влад? — догадалась Анна, вставая с дивана и накидывая на плечи простыню. — Я кивнул. — А куда ехать?

— Какой-то Небит-Даг, — ответил я. — В двенадцать часов дня, четырнадцатого августа, на вокзале...

— Небит-Даг, — повторила Анна и призадумалась. — Кара-Даг знаю, Аю-Даг знаю, Чатыр-Даг знаю...

Я ходил по комнате и тер антенной макушку головы.

— По-моему, это его очередной бзик на почве коммерции, — предположил я.

— У тебя есть карта Крыма? — спросила Анна, подошла к зеркалу и стала расчесывать волосы. — По-моему, я красная до неприличия. Был ветер, и я не заметила, как сгорела.

— Не думаю, что этот город в Крыму, — ответил я и все-таки снял с книжной полки сложенную гармошкой туристскую карту Крыма и протянул ей.

Анна расстелила ее на полу и, сев по-турецки, склонилась над коричнево-зеленым ромбом полуострова.

— Что-то не видно, — сказала она, пробежав взглядом по всему побережью от Арабатской стрелки до острова Джарыл-Гач. — Может быть, ты плохо расслышал?

— Я хорошо расслышал, — мрачным голосом ответил я, снял с полки энциклопедический словарь и, раскрыв нужную страницу, зачитал: — «Небит-Даг. Город в Красноводской области Туркменской ССР. Жэдэ узел, добыча нефти, йодный завод, ГРЭС». Все.

Анна несколько мгновений пристально смотрела мне в глаза, словно хотела определить степень здравости моего рассудка.

— Так это в Туркмении? И ты собираешься туда ехать?

Вместо того чтобы ответить «да» или «нет», я стал возмущаться, словно передо мной стоял Влад:

— Я должен бросать все свои дела, приостановить ремонт и мчаться черт знает куда, чтобы принять участие в его глупой коммерции! А он даже не удосужился спросить, могу ли я сейчас поехать в этот дурацкий Небит-Даг. Ты когда-нибудь видела большего наглеца, чем Влад? Пуи земли! Нет на свете более важных проблем, чем те, которые решает Влад Уваров!

Мне показалось, что Анна смотрит на меня с иронией.

— Кажется, ты очень хочешь, чтобы я тебя отговорила, — сказала она.

— Зачем меня отговаривать? — пожал я плечами. — Я и так знаю, что ехать туда — верх глупости.

Анна усмехнулась. Она слишком хорошо меня знала.

— Значит, ты не поедешь? — вкрадчиво полюбопытствовала она.

— Я?

Мы смотрели друг на друга. Глаза Анны переполняла ирония. За что я любил эту женщину, так за то, что она никогда не пыталась переделать мою сущность. С ней я всегда оставался самим собой.

— Ладно, — пощадила она мое самолюбие. — Не мучайся. Помочь другу — не самый бесполезный поступок. Поезжай за билетом.

Я растерянно мял в руке тубик с кремом.

— А как же ты, Анна? Тебе будет скучно.

Мне нужна была индульгенция. Анна выдала ее мне, не задумываясь.

— Ничего страшного, — сказала она. — Не думаю, что это надолго. Купите две тонны дынь, привезете их в Судак, и они к тому времени сгниют окончательно. Влад тот человек, который учится только на собственных ошибках. Не будем ему мешать.

Я пробежал взглядом по комнате. Незастеленная кровать, стеллажи с книгами, стол, заваленный чертежами, договорами и прайсами ремонтно-строительных фирм, и на этом фоне — прекрасные, грустные глаза Анны.

Какая тут личная жизнь, если я готов по первому же свистку оставить дом и любимую женщину, чтобы с головой кинуться в сомнительную авантюру, подумал я и вздохнул, словно хотел сказать Анне: есть вещи, перед которыми я бессилён. Например, сам я.

— Может быть, мне все-таки не ехать? — почти без всякой надежды спросил я, чувствуя, что Анна еще может меня остановить.

— У тебя мало времени, — ответила она. — Авиакассы закрываются в шесть.

* * *

Что такое юг Туркмении в середине лета, я представлял себе достаточно отчетливо. По климатическим особенностям этот район мало чем отличался от севера Афганистана, где я когда-то отта-рабанил два года. Романтики в тех краях мало:

совершенно безумное солнце, температура воздуха — под полтинник в тени, мелкая, как пудра, пыль под ногами, засохшие колючки и малорослые деревья. Если к этому добавить хронический дефицит воды да абсолютное отсутствие красивых женщин, то станет понятно, почему перспектива оказаться там даже на несколько дней вызывала у меня такое уныние.

Анна, наблюдая за моими сборами, не смогла отказать себе в удовольствии повеселиться. По ее мнению, я должен был одеться непременно, как английский колонизатор — в белые шорты, рубашку с короткими рукавами, на шею повязать платок, а на голову водрузить пробковый шлем. Влада она почему-то называла великим комбинатором, а меня, вопреки логике, крокодиллом Данди, а нас обоих — концессионерами. Словом, мои сборы и отъезд стали для Анны отличным поводом лишний раз посмеяться. Да я и сам не мог воспринимать всю эту суету вокруг Небит-Дага иначе, чем причуды Влада.

Она поехала со мной до симферопольского аэропорта и, дабы не оставлять машину на несколько дней на стоянке, на ней же вернулась обратно в Судак. Я пообещал позвонить ей сразу же, как встречу с Владом и мне станет известно, что он затеял.

Ночным рейсом я вылетел в Ашхабад.

Глава 2

Мое путешествие по знойной стране было увлекательным и поучительным. В аэропорту прибытия я в числе первых и очень быстро прошел таможенню, и не потому, что торопился и лез по головам, а потому, что у меня с собой вдруг не стало никаких вещей, кроме денег и документов. В секции выдачи багажа круговой эскалатор вывез мне мою сумку с распоротым боком. В ней уже не было ничего, даже нательного белья. Теплая одежда на случай холодов, бритва, продукты, бутылка отличного коньяка исчезли бесследно. Когда я попытался вежливо высказать претензии администратору аэровокзала, полная женщина в форменной рубашке сделала вид, что не понимает по-русски. Обращение к ней по-английски также не возымело действия.

Пыльный, выгоревший от солнца город встретил меня бастионом из выдавших виды легковых машин, полукольцом окруживших площадь. Толпа водителей в тубетейках, звеня ключами, как стадо колокольчиками, кинулась на меня. Каждый предлагал прокатиться с ветерком, и у каждого ветерок, естественно, был сильнее и прохладнее. Вся эта привокзальная суета была мне хорошо знакома по Симферополю в сезон, и я, не сопротивляясь стра-

стному желанию ашхабадских водил заработать, покорно сел в ближайший «Москвич».

Вокзал представлял собой еще более колоритное зрелище. Сочетание азиатского средневековья и цивилизации конца двадцатого века было гармоничным и взаимовежливым. Древний дед в стеганом халате, в чалме, с черным от солнца лицом, обросшим редкой белой бороденкой, сидел перед игровым автоматом и азартно сражался в «блэк джек», а его невероятно грязное потомство в виде малолетних детей, одетых в тряпье, кидалось к солидным мужчинам за милостыней. Электронное табло, на котором должен был отображаться график движения поездов, видимо из-за особенностей климата, не работало, и его жидко-кристаллический экран был неряшливо заклеен рваными бумажками. Толпа мешков, под которыми с трудом угадывались люди, закрывала этот единственный источник информации, и мне бы пришлось очень долго выяснять время отправления поезда на Небит-Даг, если бы не вовремя проснувшийся инстинкт самосохранения.

Я уже находился на грани теплового удара, как вовремя вспомнил про волшебную силу денег и, щадя нервы и остатки влаги в стремительно высыхающем мозгу, стал щедро раздавать людям в железно-дорожной форме доллары. За каких-то пятнадцать минут мне нашли место в комнате для особо почетных хлопкоробов, где работал кондиционер и не было пыли, принесли билет в плацкартный вагон да

сервировали столик тарелками с пловом, сырыми овощами и бутылками с ледяным баварским пивом.

Утолив голод и жажду, я стал относиться к некоторым трудностям и особенностям окружающей меня действительности философски.

Пассажирский поезд Ашхабад—Красноводск подали за несколько минут до отправления, и я, стоя на липкой платформе, наблюдал очень увлекательное зрелище штурма вагонов. Мешки, которые по своим габаритам никак не могли пролезть в двери тамбуров, в первые же секунды штурма намертво забили все входы и выходы, и народ энергично ломанулся в окна. Глядя на состав, в котором начисто отсутствовали стекла в окнах, я подумал о глубинной мудрости и практичности местных железнодорожников. Выбив стекла, они убили сразу двух зайцев: решили проблемы с вентиляцией вагонов и посадки-высадки пассажиров.

Я устал мысленно проклинать Влада за всю эту экзотику, прелести которой по его вине вкушал. В конце концов, благодаря его бредовым идеям я ненадолго отвлекся от рутинной жизни в своей курортной провинции и познал еще одну грань многообразного мира.

В вагоне, куда я запрыгнул уже после отправления состава, никто, оказывается, не занимался такой ерундой, как проверка билетов. И благодаря устранению этой утомительной процедуры на моей полке сидело человек восемь-десять старушек и бритоголовых младенцев. Все они издавали переливи-

стый шум и очень специфический запах, который не мог выветриться даже сильный сквозняк. Без всякой надежды я покосился на верхние полки, но и они были полностью загружены грязными пятками, мешками, корзинами и сумками.

И все же надо было отдать должное гостеприимству и вежливости моих спутников. Не прошло и получаса, как я пытался найти свободное место или, на крайний случай, проводника вагона, как маленькие чертята без признаков пола окружили меня, построили на своих рожицах одинаковые выражения и, словно острые ножички, направили на меня обезьяньи ладошки. В своей богатой практике я сталкивался с разными видами вымогательства, но такой ракет просто загнал меня в тупик. Отвертеться от него можно было лишь единственным способом: прыгнуть с поезда. К счастью, аппетиты у ребятни были не слишком накрученные, и они вполне удовлетворились пятью долларами. А их благочестивые предки, степень родства которых я, правда, так и не смог определить, в знак благодарности за заботу о подрастающем поколении подвинулись и освободили мне край полки.

Это было чудное путешествие! Разве смогу я когда-нибудь забыть, как толстая и тяжелая, как водородная бомба, женщина, укутанная в теплые платки и пестрые халаты, скребла черными ногтями шайбу белого сыра и стружки пригоршнями отправляла в золотой рот; второй рукой она прижимала к груди младенца, завернутого в тряпье; младенец вы-

сасывал из ее гигантского вымени водянистое молоко, перемешанное с потом, а маленькая черноволосая девочка в красивых бордовых шароварчиках махала газетой, отгоняя от ребенка мух. А то забавное зрелище, когда пяток детишек сели в общем коридоре на корточках над газетками и, как котята, быстро нагадили на них, а затем теплые газетные свертки пассажиры бережно передавали из рук в руки, пока сидящие у окон не выкинули их наружу. И, конечно, надолго останется в моей памяти седовласый старец, одетый в сапоги, шаровары и черный, в заплатках, халат, который долго и неторопливо крошил в пиалу черствую лепешку, затем залил ее жиденьким чайком, придавливая кусочки хлеба пальцем; а когда сухари разбухли и показали свои белые спинки над краем пиалы, старец вытащил из нее кривым, как ветка, мизинцем утонувшую муху и протянул пиалу мне, и я понял, что если не съем это угощение, то никогда не увижу ни Небит-Дага, ни Влада.

Впервые, после своего путешествия по Южной Америке, я снова открыл для себя простую истину: мир многолик и непредсказуем.

Оставшуюся часть пути, то есть вечер и ночь, я провел в вагоне-ресторане. Меня оттуда никто не выгонял, и щедрый хозяин — широколицый туркмен с аккуратными усиками, тугим животиком и приятной улыбкой — безостановочно носил мне зеленый чай по доллару за чайник. Ближе к ночи, когда в вагоне стало прохладнее, он поджарил для ме-

ня баранью отбивную, тайно угостил меня русской водкой, которую продавать в ресторане категорически запрещалось, а когда пошел второй час ночи и хозяин решил, что я дошел до кондиции, стал предлагать мне восточных красавиц.

Это была незабываемая ночь! Красавиц, к счастью, оказалось только две, и я заплатил каждой за то, чтобы они оставили меня в покое до утра. Девушки честно отработали свои деньги, и пока я, пристроившись в углу и положив ноги на соседний стул, крепко спал и видел сны про Шехерезаду, они искали клиентов по всему составу и, каждый раз проходя мимо меня, вставали на цыпочки.

В Небит-Даге, куда поезд прибыл утром четырнадцатого августа, я отвалился от вагона, как высохшая глина от подошвы сапога. Не знаю, как английские колонизаторы в прошлом веке умудрялись щеголять в белых шортах. Мои джинсы песчаного цвета стали черными, белые кроссовки — серыми, а пропитанная потом майка побелела, словно ее покрыв иней.

До полудня по местному времени оставалось еще несколько часов, и я слонялся по грязному полустанку, настолько насыщенному солнцем, что от стен исходил непереносимый жар, словно я находился в мартеновском цеху. Огромное количество нищенского вида людей заполнило залы ожидания вокзала. Бабки и старики вперемешку с детьми спали прямо на голом полу, причем посреди зала. Нестерпимая вонь душила вокзал. Киоски с мутными

стеклами продавали расплавленные «Сникерсы», просроченное печенье и гипсовые пепельницы в виде черепов.

К моменту встречи с Владом я уже настолько насытился восточной экзотикой, что никак не мог расшевелить вконец подавленное настроение. Ничего хорошего от свидания с Владом я уже не ждал и готовился к соответствующей антуражу проблеме. Скорее всего, думал я, Влада ограбили, и он попросит меня помочь вернуть деньги. Не исключено, что его «кинули» мошенники и мне придется играть роль вышибалы. Могло случиться еще более пакостное событие: к примеру, Влад вляпался в дурную историю, поконфликтовал с представителями местной власти, и ему грозит тюрьма. В этом случае мне ничего не останется, как возвращаться за деньгами и выкупать его.

Словом, я встал у кассового окошка в половине двенадцатого в весьма удрученном настроении, отыскивая его глазами среди серого мельтешения. Какие-то подозрительные личности начали кружиться вокруг меня, постепенно сужая орбиту, и в конце концов стали задевать меня локтями. Сначала я подумал, что личностям хочется драки, но оказалось, что это всего-навсего были миролюбивые торговцы анашой.

— План нужен? — не разжимая зубов, поочередно бросали они мне, как бомбу с самолета, короткую фразу, в очередной раз задевая меня локтем. — Не дорого отдам...

Влад распугал торговцев своим ростом и целеустремленной поступью, как трактор кур. Он вышлся над чалмами и тубетейками, глядя на меня поверх них, и шел через зал так, словно по полю пшеницы, даже не помогая себе руками раздвигать выбкую преграду. Одет он был, по своему обыкновению, как моднящийся подросток: в туго стягивающие круп джинсы и джинсовую безрукавку поверх голого торса. На крепкой шее болтались серебряная цепь да черный платок. Черные очки с маленькими стеклами естественно дополняли портрет. Единственное, что совсем не вписывалось в имидж, — это кожаная папка, которую Влад нес под мышкой.

Когда нас разделяло несколько шагов, Влад приветственно вскинул вверх кулак, и я увидел, что, вопреки моему предположению, лицо его светится счастливейшей улыбкой.

— Здорово! — громко сказал он, стискивая мои плечи своими голыми, скользкими от пота руками. — Молодец, что приехал! Как тебе нравится этот вокзал? Я просто балдею от этого запаха!

Кажется, серьезных проблем у Влада не было.

— Что случилось? — спросил я его.

— Ничего! — радостно ответил Влад и, водрузив свою тяжелую руку мне на плечо, повел на улицу. — Мне показалось, что тебе осточертело прохлаждаться в Судаке и ты просто мечтаешь куда-нибудь вырваться.

Может быть, жара на меня так повлияла, но я,

вместо того чтобы с облегчением вздохнуть, начал занудствовать.

— Ты ошибся, — ответил я, голосом показывая, что крепко недоволен выходкой Влада. — У меня дел — выше крыши, а ты заставил меня сорваться с места, чтобы полюбоваться твоей счастливой физиономией.

— Не сердись, — примирительно сказал Влад. — Сейчас я тебе все расскажу, и ты поймешь, что приехал не зря.

Он направился к скверику, где несколько хилых акаций разлили под собой жалкое подобие тени.

— Как тебе здешняя экзотика? — спросил он, присаживаясь на бетонную плиту и протягивая мне жвачку. — Я просто балдею от этих бабаев!

— А я уже нет, — ответил я. — У меня мозги плавятся от жары.

— Привыкнешь, — успокоил меня Влад. — Может, скушаем по пловешнику? Я тут нашел одно относительно приличное кафе.

Я отказался, давая понять, что жду от Влада вразумительных объяснений. Он же тянул время, получая удовольствие от моей неосведомленности. Мне надоело смотреть на его безгранично счастливое лицо, и я отвернулся.

Влад понял, что пришло время раскрыть тайну.

— Сейчас я тебе расскажу, как делаются деньги. Большие деньги, — с таинственным видом сказал он и совсем тихо добавил: — На двести тысяч долларов я купил в этом вшивом городишке целый

состав с девяносто третьим бензином. Восемь цистерн по сто сорок тонн в каждой.

Наверное, он ожидал от меня иной реакции, но я не мог посмотреть на Влада иначе, чем с сочувствием.

— Зачем тебе так много? — спросил я, энергично жуя «дирол».

— Чудак! — снисходительно произнес Влад. — В Самаре меня уже ждет покупатель, который возьмет весь бензин по тысяча пятьсот рублей за литр. А купил я его по восемьсот... Не трудись сосчитать прибыль, это большие цифры. Если вычесть все транспортные и прочие расходы, то я за несколько дней заработаю что-то около ста пятидесяти тысяч баксов. Естественно, ты можешь рассчитывать на долю... Ну, впечатляет?

— Впечатляет, — признался я. — Ты рискованный парень. Не боишься, что твой бензин потеряется где-нибудь по дороге?

— Знаешь, — разоткровенничался Влад, — сначала, конечно, был мандраж. А потом я подумал: черт подери, не боги же горшки обжигают! Почему кто-то этим занимается, а я нет?

Я смотрел на Влада уже с любопытством, но скептицизм сидел во мне крепко.

— И где он, этот твой состав?

— Не бойся! — рассмеялся Влад. — Тебе не придется толкать цистерны, разливать бензин и прокладывать путь. Механизм, который я до деталей продумал и отрегулировал, уже работает. Сего-

дня ночью, а точнее под утро, состав благополучно отправлен на Ашхабад. Оттуда его перекинут на Чарджоу, затем на Самарканд, Ташкент и через Казахстан на Оренбург и Самару.

Не совладав с эмоциями, Влад крепко хлопнул меня по плечу. Я поморщился от боли.

— Вот так, дружище, рядовой кандидат исторических наук превращается в нефтяного магната... Нет, ты признайся, что даже предположить не мог такого размаха!

— Не мог, — признался я, потирая плечо. — Мы с Анной думали, что ты купил здесь несколько мешков дынь, чтобы потом продать их в Судаке.

Влад скривился и не совсем естественно рассмеялся.

— Дыни — это бизнес для бабаев! Я пошел ва-банк. Я сыграл по-крупному. И, по всей видимости, сниму богатый урожай.

Сейчас он очень нравился себе самому. Мне не хотелось огорчать его своим недоверием, и я осторожно похвалил друга:

— Молодец. Я не рискнул бы. Я просто не умею этим заниматься.

— Брось ты, браток, — великодушно возразил Влад. — Бензин — это, конечно, не гостиница для курортников. Но все же я считаю, что у тебя получилось бы не хуже, чем у меня. Кто не рискует, тот не пьет шампанское! Чтобы научиться плавать, надо нырять в глубину!

Он переходил на лозунги, и оттого разговор становился скучным. Я встал и протянул Владу руку.

— Поздравляю с удачей, — сказал я. — Надеюсь, что ты станешь преуспевающим бизнесменом. Ну, а я буду думать, как отсюда выбираться назад.

Улыбка сошла с лица Влада. Он с неприязнью посмотрел на мою руку и покачал головой:

— У-у-у!.. Кажется, ты начал мне завидовать. Это нехорошо, дружище. Это ты брось. Зависть — это самое дрянное качество.

Он в самом деле был уверен, что я ему позавидовал. Мне казалось, что я не давал повода так думать обо мне. Наверное, усталость и досада помешали мне достаточно искренне порадоваться удаче Влада.

Мне стало его немного жаль, как если бы Влад пригласил меня на свой день рождения, а я бы отказался от приглашения. Я снова сел и, как Влад это делал несколькими минутами раньше, обнял его за плечо.

— Я в самом деле рад за тебя, — сказал я, глядя ему в глаза. — Прости, если я не слишком ликую. Наверное, меня достали грязь и жара.

— Принято! — примирительно сказал Влад и кивнул головой. — А теперь поговорим о деле. Само собой разумеется, что я тебя никуда не отпущу — не для того просил приехать... В Чарджоу цистерны надо встретить и проконтролировать, чтобы их отправили на узбекскую таможню, а оттуда — в Ташкент. Еще предстоят казахская и российская та-

можни, но это пара пустяков. По огромному благу и за бешеные деньги я взял два билета на фирменный поезд — в нем места раскупаются за месяц... Не делай гримасу, это совсем не то, в чем ты ехал. Эсвэ, кондиционеры, коврики, цветочки, чай в купе и, естественно, ледяное шампанское. Все за мой счет. Ты получишь море удовольствия!

— Это надолго, Влад?

Он махнул рукой, словно отбивая в сторону летящие к нему слова.

— Два дня! Всего два дня! В Самарканде я посажу тебя на самолет, и ты полетишь к своей Анне, а через неделю привезу в твой пропитанный портовейном поселок гонорар. И, разумеется, с меня банкет по полной программе.

— Не надо гонорара, Влад, — без всякой рисовки ответил я. — Я еще не скурвился до такой степени, чтобы помогать другу за деньги.

— Нет! Нет! — с чувством воскликнул Влад. — Об этом не может быть и речи! Как в этой идиотской рекламе? — ты не халявщик, ты компаньон! И оставь свое дурацкое благородство при себе. Если откажешься от денег, я отдам их Анне.

— Кстати, — вспомнил я. — Надо ей позвонить.

— Отлично! — хлопнул в ладони Влад. — Сейчас срубам по пловешнику, а потом позвоним Анне.

Это Влад, подумал я, потеплевшим взглядом глядя на друга. Переделать его невозможно. Он никогда не поймет, почему в этом случае надо говорить «позвонишь» вместо «позвоним».

Глава 3

Я могу смириться с восточной неторопливостью — на жаре, словно в невесомости, не рекомендуется делать слишком резкие движения. И все же у всякой неторопливости есть предел, за которым может быть только спячка или кома. Я хотел популярно объяснить эту закономерность официанту, которого мы терпеливо ждали уже минут сорок или пятьдесят, но он попросту не появлялся среди столиков и зонтов открытого кафе, и его невнимание к нам я не мог списать даже на проявление национализма, так как за пустыми столами сидело не меньше десятка туркменов.

— Мне кажется, — медленно произнес Влад, едва разлепляя губы, — что сейчас идет трансляция футбола какого-нибудь престижного матча с участием местной команды. И они все прилипли к приемнику.

Из кухонного блока в самом деле раздавался напряженный голос диктора. О чем он вещал, мы понять не могли, но мне показалось, что это не спортивный комментарий. Несколько худощавых смуглых мужчин в черных тибетейках с белыми узорами, сидящих за соседним столиком, застыли, как групповая скульптура «Хлопкоробы на отдыхе»,

прислушиваясь к быстрой речи комментатора. Я за чем-то нехорошо пошутил:

— Может быть, курс доллара по отношению к рублю стремительно упал? Черный понедельник...

К счастью, из-за стекол очков я не видел выражение глаз Влада. Но он заерзал на стуле, за чем-то взял из блюда щепотку соли и посолил свой язык.

— Ерунда, — сказал он. — Не может быть.

Наконец, из дверей кухни, как голуби из голубятни, стали вылетать официанты в белых передниках. Один из них, все еще находясь под впечатлением сообщения, качал головой и бормотал себе под нос. Подойдя к нашему столику, он рассеянно извинился и машинально протер стол тряпкой.

— Два убитый, семь раненый! — сказал он нам, полагая, что мы в курсе дела. — Ай, что делают, что делают!

Он вздохнул, достал из кармана измочаленный блокнот и ручку и приступил к работе:

— Шашлык, плов, лагман, шурпа, люля-кебаб, толстолобик жареный, помидор, зелень-мельень. Водка нет.

— Кого убили-то? — спросил я.

Влада интересовали вещи более прозаические.

— Для начала четыре бутылочки ледяной колы, по лагману и по шашлычку. А там посмотрим.

Официант, кивая, выводил какие-то крючки в блокноте. Записав, он поднял на меня черные глаза.

— Ну, это... милисия им дал ультиматум, — подробно стал объяснять официант, — а они давай

стрелять из «калашников». Темно, милисия не знает, что делать, ему приказ, чтоб стрелять, не давали... А эти потом ушли. Их вертолет искал, но как найдешь — горы, пустыня!

— Ничего не понимаю, — сказал я Владу вполголоса.

— А тебе это надо? — отозвался он и взглянул на официанта: — Давай, дорогой, неси еду, жрать очень хочется!

И легко подтолкнул его в спину.

— Кто-то в кого-то стрелял, кто-то кого-то ищет, — скучным голосом произнес Влад, когда официант удалился. — Как я уже далек от всей этой ерунды! Если ты, дружище, когда-нибудь займешься серьезным бизнесом, ты поймешь меня. Все побоку! Дело вытесняет на второй план всю эту ерунду, вроде политики, спорта, газет с уголовной хроникой и сплетнями...

— И женщин вытесняет? — уточнил я.

— М-м-м... — ненадолго задумался Влад. — Возможно, в какой-то степени и женщин. Видишь ли, даже маленькое увлечение, краткосрочный флирт может отвлечь тебя от дела в самый неподходящий момент. Ты допустишь серьезную ошибку — и плакали твои денежки.

— Тогда я тебе сочувствую!

Влад понял, что оказался в очень невыгодном свете, и попытался исправить положение:

— Но ты не дослушал! Самое интересное заключается потом, когда сделка завершена и я под-

считаю прибыль. Вот тогда-то можно отвязаться, ни в чем себе не отказывая. Вот тогда и наступит время подумать про женщин.

— Бизнес затягивает, Влад, — сказал я то, что когда-то от кого-то услышал. — Подсчитав прибыль, ты со всех ног снова кинешься сюда, чтобы купить бензин, но уже не восемь цистерн, а двадцать. И все начнется сначала.

Влад замолчал. В его доводах закончились козыри. Официант принес запотевшие бутылки с пепси-колой, и мы тотчас припали губами к горлышкам. Я мысленно ругал себя за нескончаемое занудство. Что за пакостная привычка портить человеку настроение! Он рад, он окрылен успехом, он полон надежд, а я на его надежды — как!

— Не переживай, — сказал я, отрываясь от опустевшей бутылки. — Когда продашь двадцать цистерн, то наймешь себе торгового агента, который вместо тебя будет ездить сюда и оформлять сделки. А ты будешь сидеть в офисе под кондером в беленькой рубашечке и щипать за попку длинноногую секретаршу.

Такая перспектива, по-моему, вдохновила Владу. Лицо его расплылось в улыбке.

— Ладно тебе! — сладким голосом протянул он. — Придумал тоже: секретарша, попочка! Сплюнь через плечо!

Мы оба сплонули в тот момент, когда официант стал расставлять на столе глубокие косушки с лагманом и тарелки с шашлыком, присыпанным колеч-